

Григорий Юдин

Люк Болтански, Лоран Тевено. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. О.В. Ковеневой, под ред. Н.Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с. ISBN 978-5-4448-0079-9.

Григорий Юдин. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 9/11, офис 530, Москва, 101000, Россия. gregloko@yandex.ru.

Прагматическая социология Люка Болтански и Лорана Тевено давно заняла свое место в арсенале российских исследователей. Для этого не пришлось дожидаться, когда их *opus magnum* будет переведен на русский язык: уже более десяти лет назад появились переводы нескольких важных статей, а вслед за ними – ряд исследований, выполненных отечественными авторами, получившими опыт работы с этим подходом за рубежом. Кроме того, важную роль сыграл большой интерес Тевено к российской жизни.

Тем не менее долгожданный перевод «Критики и обоснования справедливости» (французский оригинал – Boltanski and Thévenot 1991) открывает русскоязычному читателю возможность значительно глубже понять замысел авторов. Получившая широкую известность классификация «градов» и «миров», а также решение проблемы построения конвенций – лишь часть большого политико-философского проекта, предлагающего особый взгляд на сосуществование людей и задачи социальной науки. Появление этого издания тем более важно, что английский перевод книги также запоздал и вышел только в 2006 году, уже после того, как понятия из нее прочно вошли в оборот социологов в Европе и Америке. В результате ряд идей, которые традиционно связываются с именами Болтански и Тевено, заслуживает переосмысления и рассмотрения в более широком теоретическом контексте. При этом может оказаться, что их содержание довольно существенно изменится, а также обнаружатся новые возможности и ограничения.

Терминология Болтански и Тевено оказалась особенно привлекательной для Новой экономической социологии. Экономсоциологи утверждают, что корыстный интерес – лишь частный случай человеческой мотивации, а рынок соседствует на равных с другими формами институционального регулирования взаимодействия. Такой подход созвучен теории множественности «миров» Тевено и Болтански, согласно которой рыночный мир рядоположен другим мирам, где господствуют иные регулятивные принципы. Столкновение между этими мирами вынуждает агентов искать легитимацию своих высказываний и действий с помощью компромиссов: рынок приходится комбинировать с элементами других миров. Для экономсоциологов это выступает отличным подтверждением того, что экономическая теория не в силах самостоятельно объяснить хозяйственные отношения во всей их сложности, поскольку ее модель мира, населенного рациональными эгоистами, *hominines oeconomici*, оказывается ограниченной.

В действительности, однако, Тевено и Болтански идут гораздо дальше в релятивизации модели рынка и соответствующей экономической онтологии. Отдельная глава их книги посвящена тому, чтобы продемонстрировать, что рынок представляет собой особое решение проблемы согласия и общего блага. Разбирая концепцию социальности у шотландских моралистов и, прежде всего, у Адама Смита, авторы показывают, что взаимная симпатия между людьми – это обязательное условие для реализации их эгоизма. В самом деле, для того, чтобы нечто вообще стало благом на рынке, необходима определенная координация страстей между людьми. Это благо должно быть совместно сконструировано как предмет желаний множества людей: «Установление рыночной связи предполагает не только общую склонность людей к товарообмену, но и согласие по поводу общей идентификации внешних благ» (с. 91). Культурное определение блага в его отличии от других благ необходимо для того, чтобы мог появиться рынок этого блага, на котором впоследствии могли бы проявиться эгоистические и рациональные мотивы. Все это означает, что предметом социологического анализа должно стать само возникновение рынка посредством серии «испытаний», позволяющих акторам выработать совместное определение блага. Социологии, таким образом, не следует воспринимать рынок как самоочевидность с тем, чтобы потом искать его ограничения (именно так выглядит привычный *modus operandi* экономической социологии); она должна начать с объяснения того, как рынок возникает как согласованное смысловое поле.

Другая популярная идея Болтански и Тевено связана с возможностями преодоления «конфликта интерпретаций», возникающего при столкновении разных систем ценностей («порядков величия»). Значительная часть повседневных споров описывается как противостояние между разными моральными обоснованиями. Это дает возможность объяснить разрешение таких споров через преодоление ценностных разногласий: люди заняты активным производством моральных аргументов и в результате достигают либо компромисса по фундаментальным вопросам, либо ситуативных решений.

Такая картина, впрочем, должна вызвать подозрения. Если разногласия происходят из конфронтации целостных этических систем, каждая из которых обладает своим регулятивным принципом, то такие системы должны быть в конечном счете несоизмеримыми. Старая проблема «войны богов», которая волновала неокантианских аксиологов на заре социологии, вновь встает в полный рост. Разве можно надеяться на примирение разных порядков величия? Поскольку Тевено и Болтански подводят определенную политическую философию под каждый из порядков, идея согласования порядков должна опираться на некоторую метафилософскую концепцию. Эта концепция, синтез республиканской и коммунитаристской доктрин, предполагает возможность институционализированной публичной взаимной критики, посредством которой соперничают друг с другом разные концепции общего блага. Иными словами, теория конфликта, предлагаемая в книге, работает только в том случае, если мы разделяем с авторами представление о том, что фундаментальные разногласия, стоящие за разными спорами, потенциально всегда могут стать темой дебатов на некотором форуме, объемлющем разные мо-

дели «града». Болтански и Тевено изначально устраняют с этого форума ситуации насилия (с. 76) и гарантируют равный доступ к нему всех людей. Модель работает лишь при условии, что мы допускаем существование согласия по поводу процедуры аргументации.

Отсюда вытекают два ограничения модели градов. На первое из них справедливо указывает во вступительной статье Николай Копосов, замечая, что в российской политической жизни доступ к публичной дискуссии ограничен. В этом случае предметом интереса должны стать скорее механизмы исключения и авторизации высказывания. Второе же ограничение носит теоретический характер: Тевено и Болтански сразу вводят аксиому о том, что общий град предполагает «общность человеческой природы». Таким образом авторы исключают из анализа ряд обществ – например, те, что предполагают деление на свободных людей и рабов (с. 127). Однако тем самым в теорию изначально встраивается не критичное понимание человеческой природы. В самом деле, сторонники рабства будут склонны исключать рабов из числа людей. На этом же основании из града в принципе можно исключить кого угодно: границы человеческой природы будут изменяться вместе с границами града, и наоборот. За пределами града (а значит, и за пределами критической дискуссии) окажутся те, по отношению к кому всегда можно будет применить насилие. Это слабое звено теории стало мишенью критики Поля Рикёра, который заметил, что один из предлагаемых градов, гражданский град, по сути, содержит в себе всю авторскую концепцию града (2005:100).

Попытки решить эту проблему можно обнаружить в дальнейшем развитии, которое получила представленная в «Критике и обосновании справедливости» концепция. Тевено предложил усложнить модель, дополнив ее несколькими режимами вовлеченности: индивид может быть в разной степени и в разных формах включен в ситуации испытания и критики (Thévenot 2006). Этот ход позволяет проблематизировать публичность социальной жизни. Болтански, в свою очередь, разрабатывает теорию критики: если в первоначальной модели люди наделялись почти неограниченной способностью к критической рефлексии («критическая социология» таким образом превратилась у Болтански в «социологию критики»), то в дальнейшем интерес стали вызывать ограничения критики и ситуации, когда критика оказывается встроена в сам атакуемый порядок, который в результате становится для нее неуязвим (Boltanski 2009).

С появлением перевода русскоязычный читатель получает возможность оценить масштаб «Критики и обоснования справедливости» – работы, которая соединяет в себе оригинальную политико-философскую концепцию, серию разноплановых эмпирических исследований и социологическую теорию конфликта. Использование в книге понятий из разных областей знаний безусловно усложнило и без того непростую задачу переводчика. Несмотря на то, что обойтись без отдельных шероховатостей здесь не удалось (например, «политическая экономия» внезапно превращается в «политическую экономику» на с. 94, а на с. 23 в «принципе скрещивания переменных» нужно с трудом узнавать «таблицы сопряженности»), в целом длительная работа над переводом при участии Тевено сделала книгу по возможности дружественной для аудитории. Терминологические ре-

шения переводчика почти всегда выглядят обоснованными, а для сомневающегося читателя все неоднозначные места снабжены французскими эквивалентами. Чтение этой книги вряд ли может быть простым делом, однако перевод, несомненно, облегчает русскоязычному читателю доступ к современной французской социологической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рикёр, Поль. 2005. *Справедливое*. М.: Гнозис, Логос.
- Boltanski, Luc. 2009. *De la critique: Précis de sociologie de l'émancipation*. Paris: Gallimard.
- Boltanski, Luc and Laurent Thévenot. 1991. *De la justification: Les économies de la grandeur*. Paris: Gallimard.
- Thévenot, Laurent. 2006. *L'Action au pluriel: Sociologie des régimes d'engagement*. Paris: Éditions La Découverte.